

Во всем помогали взрослым

Великая Отечественная война... Для кого-то это страницы истории, а для многих пожилых людей — часть жизни: зрелость, молодость и даже детство. Мне было всего 10 лет, когда началась война. Но эти события я запомнила навсегда.

22 июня 1941 г. я была в гостях у бабушки Домны в г. Алма-Ата и попала домой в Новосибирск только к Новому 1942 году, так как в СССР сразу же после начала войны был введен строгий пропускной режим.

Война многое изменила в жизни города: Новосибирск принял тысячи беженцев, и его жители «уплотнили» свои квартиры. В нашем дворе на Красном проспекте в квартале «Кузбассовских домов» для беженцев освободили даже несколько жилых корпусов.

Многие школы стали военными госпиталями, а в оставшихся занятиях проходили в три смены. Хлеб можно было купить только по карточкам, а овощи горожане умудрялись выращивать сами на небольших участках земли в пригороде и даже на балконах. Грибы и ягоды тоже были хорошим пищевым подспорьем: их мы собирали в лесу на территории теперешнего Академгородка.

Дети во всем помогали взрослым: ухаживали в госпиталях за ранеными, покупали хлеб по карточкам, стоя в огромных очередях, сажали и обрабатывали участки земли за городом под картофель, шили рукавицы и ватники, вязали шерстяные шарфы и носки для бойцов фронта.

Особенно тяжелыми были первые два года: сильные морозы, перебои в магазинах с продуктами, огромные очереди, отсутствие центрального отопления в домах и отключе-

ние электричества. Свою маму, Кашинскую Анну Ивановну, я почти всю войну не видела дома. Она сутками и даже неделями пропадала на работе, так как все годы войны и после была председателем райисполкома Залесовского района, где разместилось большинство эвакуированных в Новосибирск с запада заводов и фабрик.

В нашей небольшой двухкомнатной квартире жили 14 человек из пяти семей, в основном беженцы из Минска. Война сдружила нас на долгие годы. Все взрослые много работали, а домашние заботы частично легли на мои плечи. Я стирала, готовила обеды, убирала квартиру и под моим присмотром постоянно был пятилетний Глеб, сынишка одной из минских семей. Вечерами, затаив дыхание, мы все слушали по радио фронтальные сводки, радовались победам нашей армии на всех направлениях.

Как ни тяжело было, но люди выстояли в эти трудные времена. День Победы 9 мая 1945 года в Новосибирске выдался удивительно теплым и солнечным. Огромные колонны радующихся людей заполнили с самого раннего утра Красный проспект и обе площади, где проходили митинги. Вечером были народные гуляния и красочный праздничный салют.

Мы с мамой, конечно, с нетерпением жда-

ли возвращения с фронта моего отчима — Главного военного прокурора Северо-Западного фронта генерал-майора военной юстиции Ивана Карповича Лиховидова. Но он тяжело заболел и находился в День Победы в госпитале «Архангельское» под Москвой. Мама, конечно, была с ним. Позднее, когда проходил Парад Победы в Москве, моя мама на гостевой трибуне снова была одна.

После войны И.К. Лиховидова назначили Главным военным прокурором Северо-Кавказского военного округа в г. Ростове-на-Дону, где он скончался в 1955 году от тяжелой болезни.

Меня после войны взяла к себе в Ригу бабушка Домна Дмитриевна Перунова, где она жила у своего сына (моего дяди Вани). В Ригу позднее переехала и моя мама, и до ухода на пенсию работала зампредрайисполкома Московского района г. Риги.

65-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне и подвиг народа будет отмечать весь мир. А память о родных мы сохраним в нашей большой семье: в 2000 г. мы отметили 100-летие со дня рождения моего отчима Ивана Карповича Лиховидова, а в 2006 году — 100-летие со дня рождения моей мамы. Она умерла в 1987 г. в новосибирском Академгородке.

Из жителей той квартиры военного времени сейчас живы только я (мать двоих сы-

новой, бабушка троих внуков и четверых правнуков), Глеб, живущий в Минске (дедушка двух внуков), и Надя, пожилая женщина (дочь одной из жительниц нашей квартиры). В этом году почти вся моя семья собралась в Академгородке: младший сын, двое моих внуков и четверо правнуков. К сожалению, Александр Александрович Оболенский, мой муж не дождал до этого праздника (он скончался 7 сентября 2009 г.).

Р.В. Оболенская, кандидат геолого-минералогических наук, Институт геологии и геофизики СО РАН, пенсионерка.
На снимке: — мой отчим, генерал-майор военной юстиции И.К. Лиховидов, 1955 г.

В тылу в годы войны

Наша семья жила на Урале, в Перми. 22 июня 1941 года стоял жаркий, солнечный день. Кто мог подумать, что в такой прекрасный воскресный день может начаться ужасная трагедия для всех. Все было как всегда. По воскресеньям я обычно гуляла с младшими братишками и сестрой, но тут мне удалось отпроситься погулять одной. Я побежала к своей подруге, мы решили с ней пойти в Парк культуры им. А.М. Горького. Вдруг из репродуктора, висевшего на столбе, раздался голос диктора, передававшего важное сообщение. Война! Мы со всех ног бросились бежать домой. Улицы были пусты, лишь у репродукторов стояли люди. Дома уже знали о начале войны. Предприимчивые люди стали расхватывать все, что было в магазинах. Мама удивлялась, что хватают молочки по 100 штук, соль, одеколон. Ей не удалось ничего застыть, она не знала, что надо делать в такое время. Да и денег у нее не было столько, чтобы запастись. К вечеру все магазины — продуктовые, хозяйственные, аптеки — были пусты. Семья наша состояла из папы и мамы, которым было по 36 лет, через несколько дней мне исполнилось 13 лет, Вите было 7, Люсе — 4, Жене — 2 года, Таня родилась в 1942 году.

Нас, школьников, в тот же год послали в совхоз. Мы занимались уборкой овощей. Заработали по 28 кг капусты. Ее привезли в школу, а потом разобрали по домам. Жить становилось всё труднее. Ввели карточки — на хлеб, на другие продукты. Папа получал 400 г хлеба, все остальные — по 300 г. Вместо муки давали отруби, вместо масла — маргарин или растительное масло. Мама варила баланду. Это готовилось так — кипятилась вода, а определенное количество отрубей разводилось холодной водой и вливалось в кипяток. Потом варила до готовности, постоянно помешивая. Разливала по тарелкам, солила и капала масло. Цвет был коричневым. О вкусе трудно сказать. Но тогда Витя говорил: «Мама, когда кончится война, мы будем есть баланду сколько захотим?» Мама плакала.

Хлеб делили. Каждому доставался кусочек. Мы ревниво следили, чтобы корочка доставалась по очереди. Понимали, что в корочке больше питательности. Мама, кажется, никогда не ела хлеб, всё отдавала нам — детям. Ни одной крошечки не упало на пол. Сразу же, как только мама разрежет хлеб, мы с Витей бросались за крошками.

Уходя в магазин, где были огромные очереди за продуктами, мама давала нам поручения — вымыть пол, постирать пеленки, приготовить обед. Я заставляла Витю мыть полы, сама начинала готовить обед. Дети плачут. Я мечусь от одного к другому. А надо еще и учить уроки. Такой стоит шум. Я так устаю. Когда придет мама, все успокоится. Я сажусь учить уроки. Седьмой класс за-

кончила с тройками. Были постоянные головные боли. Готовили пищу на плите, когда она топила. Разогревали на примусе или керогазе. И все в одной комнате, так как кухни у нас не было. Чад стоит ужасный.

А стирка! На плите кипятится вода, а в ней растворена зола. Мыла не было или было очень мало — только для купания детей. Все стирали в зольной воде в корыте, в которое ставилась стиральная доска. Белье стирали на этой доске. Это сколько же раз надо согнуться и разогнуться!

Даже голову мыли в зольной воде. Потом голову ополаскивали водой, в которой был растворен глицерин и уксус. Волосы у меня были прекрасные. До четвертого класса у меня была короткая стрижка с челкой. В пятом классе я начала отращивать волосы. Заплетала их в две косы. С той поры я никогда не стригла волосы.

Стирка шла постоянно. Дети были маленькие, на них быстро все пачкается. Кроме того, в городе появились вши. Мама все время боялась — как бы мы не заразились сыпным тифом. Она еще с прошлой войны помнила, как эта болезнь косила людей. Ежедневно я мыла голову, гладила все белье тяжелым железным утюгом, нагретым на плите, так как вши могли оказаться и на одежде. За чистой мамой следила постоянно.

Капусту, которую я заработала в совхозе, мама засолила и давала нам, приговаривая: «Это Валя заработала». Ее уплетали все, она быстро закончилась.

А война продолжалась. Сдавались всё новые и новые города, захватывались немцами всё новые территории. Радио не приносило хороших вестей. Не стало электричества. Освещали квартиру лучиной. Настраиваем основную лучину, зажжем и смотрим, как они горят с треском. Темнеет быстро — в 16.30 уже ничего не видно. Встаем — темно, приходим — темно.

В школе был свет. Дома мы сидели при лучине. Еще у нас была коптилка. Горела она тускло и ужасно коптила. Но я была в таком возрасте, когда очень хотелось читать. Родители с маленькими детьми спали в одной комнате, а мы с Витей там, где готовили пищу, стирали, гладили, кипятили белье. Как только родители уйдут спать, мы зажигаем коптилку, садимся к ней поближе и читаем по очереди — страницу он, страницу — я. Особенно страшно было читать Гоголя. Сидишь в полной темноте, читаешь «Вия» и кажется, что только оглянешь и все будет, как в книге. Мурашки бегают по коже, но читаем. Витя читает с выражением, а потом как крикнет: «Смотри — кто там!». Я оборачиваюсь и успокаиваю его. А он смеется: «Вот я тебя напугал!»

Пришла весна. Кончились занятия в школе. Прошли комсомольские собрания, на которых нас призывали поехать в совхоз Верх-

не-Мулинский. Сначала мы работали на полке овощных культур. Нас предупредили, чтобы мы ничего не ели немывое, так как поля удобряют, и мы можем заразиться гельминтами. Но наши ребята — вечно голодные — пропальывая морковь, репу и прочее, слегка потерев руками, кляли в рот.

Кормили нас неплохо — хлеба не было, но картошка, сваренная в мундире, была великолепная, рассыпчатая, и ели ее досыта. Я не ощущала голода, но наши мальчишки постоянно ели всё, что пропальвали.

Среди лета нас отпустили съездить домой — помыться. Это было близко. Дали нам свежих огурцов и еще каких-то овощей. То-то была радость дома.

Следующим летом мы работали в колхозе. Когда скосили хлеб — надо было вязать его в снопы. Труднейшим делом считали. Все руки исклосоты соломой. Когда приходишь с поля — поясница раскалывается, не знаешь, как лечь — больно в любом положении. Так, превозмогая боль, усталость, мы и работали. Еще более тяжелая работа была на току. Ведро зерна поднимаешь как можно выше и потихоньку начинаешь сыпать, чтобы ветер уносил легкую шелуху. И так целый день. Пыль лезет в глаза, в нос, в уши, в волосы. После работы выходишь весь чумазый, усталый, еле добредешь до дома. Не хочется есть. Ничего не хочется, только спать. Ложись — всё тело ломит, руки болят невыносимо. Заработала я 25 кг зерна. Оно нас очень выручило. Дома его мололи на мясорубке и понемногу добавляли в суп. Хватило на всю зиму. Было очень вкусно. На второй год войны всем желающим можно было взять землю. Взяли. Посадили картошку, морковь, капусту, репу, горох, бобы, редьку и другие овощи.

С Витей мы читали Амурдсена. Мечтали с ним, когда вырастем, закаляемся, обтираться снегом. В то время мама не разрешала этого делать, чтобы мы не простудились. В квартире не было ни горячей воды, ни ванны. Поэтому мы обтирались холодной водой. Намочим тряпку под краном и обтираемся. Занимались гимнастикой.

Читали вместе «Суворова»: такой в детстве был тщедушный человек, а всего достиг силой воли, стал полководцем и так же воспитывал своих солдат. Читали о Кутузове и о Миклухе-Маклае. Узнавали так много нового, интересного, что хотелось скорее вырасти и совершать подвиги. Занимались воспитанием силы и воли. Читали книги по этим вопросам. Мечтали, если представится случай, быть как Робинзон Крузо — в любых условиях уметь выжить, всё уметь делать. Да разве можно было не стараться быть лучше, сильнее, добрее, отзывчивее, если вся литература, радио были направлены на воспитание такого человека. Радио, которое не выключалось никогда, даже во

время выполнения домашних заданий, постоянно воспитывало в людях чувство ответственности за то дело, которое ты выполняешь, будь то на фронте или в тылу, веру в победу. Даже будучи детьми, мы чувствовали, что помогаем своим трудом, своим поведением, своей учебой ковать победу над врагом. После седьмого класса многие ребята ушли в ФЗО. Немного проучившись, дети становились к станку. Питание было скудное, мальчики большей частью были низкорослые. И чтобы они могли стоять у станка, им делали подставки под ноги.

Если бы мне было 16—18 лет, я бы без сомнения ушла добровольцем на фронт. Это было повальное желание детей в том возрасте. Медсестрой ушла на фронт наша соседка Нюра Синицкая. Ей было 16 лет. Семья их состояла из трех детей, отца и матери. Перебивались кое-как. Не выдержала и ушла. Осталась жива. После окончания войны приехала с красавцем мужем. Она и сама была красивая.

Время тянулось, тянулось, а война всё шла и шла. Ожесточенные бои шли каждый день. Ежедневно мы слушали голос Левитана — «От Советского Информбюро».

Вскоре после начала войны в Перми начали открывать госпитали, куда привозили раненых с фронта. Мы, школьники, шефствовали над госпиталями, посещали раненых, устраивали концерты, писали письма на фронт.

...У меня продолжались головные боли. Я ушла из школы. Поступила препаратом в Фармацевтический институт на кафедру готовых лекарственных форм. У меня до сих пор хранится фотография из газеты с надписью: «Научные работники кафедры лекарственных форм Фармацевтического института занимаются изучением изготовления лекарственных средств из местного дубильного сырья. З.М. Митягина сделала ряд открытий и получила из корневища змеиной травы препараты». Я наблюдала, как работают научные сотрудники. Помимо преподавательской работы, они занимались поиском новых лекарственных форм для лечения раненых и истощенных голодом людей. Дистрофия свирепствовала. И вот на кафедре изобрели препарат для лечения дистрофии. Сотрудники получили Государственную премию. Радости и счастья было много. Все сотрудники были до крайности серьезны и сосредоточены. Никаких разговоров, кроме как о работе. Я была счастлива, что мне довелось хоть издали наблюдать за работой таких заслуженных людей.

Научные сотрудники кафедры лекарственных форм стали для меня примером. Мне захотелось учиться дальше. Война закончилась. Я поступила в Фармацевтическую школу, потом в университет. Но это уже началась другая, мирная жизнь.

В.Ф. Сапегина, старший научный сотрудник, кандидат биологических наук, Институт систематики и экологии животных СО РАН.